

О ЛОРДАХ, ГРАФАХ И ВОЗРАСТНЫХ ПАРАДОКСАХ

Е. В. Грекова

Независимый исследователь, Москва

В статье детская повесть Френсис Бернет «Маленький лорд Фаунтлерой» представлена глазами взрослого. Раскрыта уникальность повести Ф. Бернет, описаны ее контрасты и оппозиции. Сопоставлены правда жизни и детская истина в повести. Поставлен вопрос о рыцарском начале в повести.

Ключевые слова: леди Френсис Бернет, «Маленький лорд Фаунтлерой», сюжетообразующие мотивы повести, рыцарь и его Дама, сюзерен и его вассалы.

Как известно, есть книги для детей и есть книги для взрослых. Однако известно и то, что до самого XVIII века не было специальных книг для детей и детских журналов тоже не было, дети вынуждены были довольствоваться «взрослыми» историями, и, должно быть, во сне их мучили кошмары. Им снилось, что волк съел бабушку; что сестрица большим кухонным ножом отрезала себе пятку и кровь хлещет из хрустальной туфельки; что отец возвращается из лесу с телегой, где лежит мертвая сестрица; а море окрашено кровью, и королева Эгле с ужасом смотрит на порубленные, все еще извивающиеся куски своей ужиной родни. Бр-р-р, так и фобиями обзавестись недолго.

— Но, — возразите вы, — может, нервы у детей прошлого крепче были. Свежий воздух, здоровая пища, отсутствие интернета... да телевизора — и того не было.

Телевизора, конечно, не было, но по косвенным признакам можно сказать, что кошмары были. Ориентированные на увлекательность ли, на дидактику ли, повести для детей в обязательном порядке обречены на счастливый конец, избыточную сентиментальность и стилистику праздничной открытки. Малолетние герои слегка кукольны; если же это нищие оборванцы — то это куколочки, наряженные в лохмотья. Достаточно сравнить предприимчивого Реми («Без семьи» Г. Мало) и несчастного Оливера Твиста из одноименного романа Ч. Диккенса, и мы поймем, что повесть «Без семьи» ориентирована на умного читателя-ребенка, а «Оливер Твист» — на взрослого-филантропа. Образовательные и воспитательные задачи оказываются как бы дополнительным бонусом в детской литературе, главная цель которой — избавить ребенка от ночных кошмаров, а взрослых — от лишней головной боли. Со временем упрощенность коллизий, экзальтация, умильность станут объектом взрослых насмешек. Вспомним феномен Лидии Чарской. Ее повестями зачитывались поколения девчонок («Княжна Джаваха») и мальчишек («Паж цесаревны»), в чьих головах сюжетные повторы вызывали восторг узнавания. Ее повестями возмущались взрослые, провозгласив ее стиль эталоном безвкусицы. А потом произошло чудо. Чарскую перестали печатать. Ее книгам не нашлось места в стране пионерии, и они стали ускользать из людской памяти. Сначала забы-

лись сибирочка и Люда Влассовская, потом и сама Лидия Алексеевна; даже имя ее было забыто, и, казалось, навсегда. Когда же в постсоветском пространстве повести Чарской снова заняли место на полках, на эти повести открыли охоту престарелые дамы. И не потому, что впали в детство, а потому, что с восторгом воссоединились с сюжетами, от которых были насильственно отлучены. Они возвращались в свой мир, где не было коммунарской психологии, а были родительская любовь, нерушимость дружбы, дворянская честь и врожденное благородство — ценности, перед которыми отступали и горе, и сама смерть. И были преданы забвению споры о Чарской, не было уже в живых и главного ее оппонента — Корнея Ивановича Чуковского, и некому стало напомнить дамам о хорошем вкусе.

Моему, послевоенному поколению не повезло. В первое послевоенное десятилетие книг, в том числе детских, издавалось мало (кто-то подсчитал, что по 3 книги на ребенка в год), сказки были объявлены вредными, а всё, что рассказывалось детям, было идеологически выверено. Из раннего детства запомнилась красочная картонная раскладушка о правилах дорожного движения — года, наверное, 1949-го, изданная по заказу Главного управления милиции:

Курица на улице
Едва не пропала,
Потому что курица
Ходит где попало.

Много позже я узнала, что автором этих стихов был сам Лебедев-Кумач.

Бабушка, окончившая в свое время Мариинскую гимназию, вздыхала с осуждением:

— Вот в наше время была чудная книжка для детей — «Маленький лорд Фаунтлерой».

«Маленького лорда Фаунтлероя» никто в семье не читал, но по мере того, как я росла, глядя на то, как «Необыкновенные приключения Карика и Вали» Яна Ларри сменяются на моей части стола «Тайной двух океанов» Григория Адамова, мать и тетка попеременно вздыхали:

— Ей бы почитать «Маленького лорда Фаунтлероя»...

Вы можете из этого заключить, что в моей семье маленький лорд Фаунтлерой был той культовой фигурой, что исподволь противопоставлялась шпиономании, борьбе с космополитизмом, постановлению о журналах «Звезда» и «Ленинград», осуждениям «сумбура вместо музыки» и революционным матросам.

В моей детской фантазии поселился мальчик в аккуратном бархатном костюмчике с белым отложным воротничком, а рядом гордо выступала огромная гладкошерстная собака.

Юного лорда окатывали мощные волны культурной энтропии. Бабушка читала о нем в хронологически, этнически и географически далеком дореволюционном городе Слуцке. Литературный герой, он был частью культуры реаль-

ных графов, царских гимназий — Александровской и Мариинской, где учились бабушка и ее многочисленные братья и сестры, полупрофессионального театра и первой аптеки, основанной еще в XVII веке нашим пращуром, а теперь принадлежавшей дяде; аптеки, в которой не только приготавливались и продавались патентованные лекарства, но где можно было выпить чаю, а в жару холодного свежеприготовленного лимонада, почитать газету и поговорить о политике. Маленький лорд оказался неуместен в глубинах коммунальных квартир, в неприкаянности послевоенного быта, упрямо отрицавшего то кибернетику, то генетику и утверждавшего в правах политпросвет и деревянные счеты.

Бабушка помнила юного лорда, но забыла имя автора. Ни мать, ни тетка сами про юного лорда не читали, бабушка им рассказывала. Прямо как у Пушкина: «но в старину княжна Алина <...> твердила часто ей об них». А мне не рассказывала, забыла. Мать с теткой тоже сюжета не запомнили, только общее светлое представление о милом мальчике-сироте, который сумел расположить к себе сурового холодного деда. От детской повести остались одни только сожаления взрослых о том, что я лишена в этой жизни чего-то необходимого и прекрасного.

Мне было уж чуть за сорок, когда в перестройку на книжных лотках я увидела среди «возвращенной» литературы «Маленького лорда Фаунтлероя» — эту загадочную книгу моего детства [1]. Мне страшно было дотронуться до нее. Это была книга-легенда. Восторг двух поколений моей семьи дополнялся собственной буйной фантазией. А вдруг обнаружится, что это обычная, скучная повесть?

И нет, мне не было стыдно купить *для себя* книгу, предназначенную для младшего школьного возраста, но страх разочарования овладел мной.

И знаете, я не разочаровалась. Книга леди Френсис Бернет оказалась именно такой: в меру насмешливой, чуть сентиментальной, мало правдоподобной и неожиданно искренней, — и ни в коем случае не скучной. У леди Бернет есть одна особенность, выделяющая ее среди авторов «золотой библиотеки». Это выбор жанра.

Ко времени создания «Маленького лорда...» [3], к 1885/1886 г., уже устоялись жанровые черты детской повести. Прежде всего, это почти обязательное включение мотива путешествия и, как сопутствующего начала, введение страноведческих сведений и естественнонаучной информации («Параша-сибирячка», «Без семьи», «Серебряные коньки» и прочие «Дети капитана Гранта»). Но как раз эту сторону повествования Бернет сводит к минимуму, сжимая до предела эпизод путешествия мальчика через Атлантический океан, принижая его сюжетную значимость. Маленький лорд по характеру скорее домосед, и ему не хочется покидать родную улицу и становиться для чего-то графом:

«Впервые услышав об этом, он побледнел.

— Дорогая! — воскликнул он. — Я не хотел бы становиться графом! Никто из мальчиков у нас не граф. Можно, я не буду графом?» [здесь и далее цит. по: 2]

Образ серьезного ребенка с повышенным чувством ответственности закономерен для детской повести и экспозиции «взрослого» семейного, приключенческого и прочих романов (детство героя — от Тома Джонса Генри Филдинга до Даниэля Эйсета Альфонса Доде). Серьезность эта, однако, лукаво соседствует с детским простодушием, базируясь на игре слов. Мы словно имеем дело не просто с двумя возрастами, двумя культурами, двумя континентами — но с двумя различными языками, когда юный лорд переводит новые для него понятия в привычные образно-речевые обороты. Король, королева, президент, граф — не просто слова, но смысловые элементы целостных мыслительных структур:

«— Вам нетрудно будет, — почтительно спросил Седрик, — дать мне выяснения? (Порой он немного сбивался в длинных словах.) Как человек делается графом?

— Это делают король или королева, разумеется, — объяснил мистер Хэвишем. — За то, что человек хорошо служил своему государю или совершил что-нибудь замечательное.

— А-а! — воскликнул Седрик. — Как президент!»

В попытке объяснить непонятное через привычное язык обзаводится ложными синонимами. Результат, как правило, алогичен и тяготеет к приему переряжения, даже карнавализации:

«— Разве? — спросил мистер Хэвишем. — Разве здесь президентов выбирают за это?

— Да, — отвечал уверенно Седрик. — Если это очень хороший и знающий человек, его выбирают президентом. Устраивают шествие с факелами и с оркестром, и все произносят речи. Я раньше думал, что, может, и я стану президентом, но мне и в голову не приходило, что я могу стать графом. Просто я ничего не знал о графах, — быстро добавил Седрик, чтобы не обидеть мистера Хэвишема».

Столкновение привычных понятий с правдой жизни в понимании ребенка предопределяет в дальнейшем весь стиль повествования. Оно же становится источником комического. Столкновение базируется на ошибке, на неспособности ребенка понять собеседника, на недостатке сведений о мире и жизненного опыта. Но и тут есть один существенный нюанс. Сравним Седрика с его чеховским ровесником Ванькой Жуковым — автором известного письма «на деревню дедушке Константину Макарычу», и мы поймем, что дело здесь не в социальной разнице: чистильщик сапог Дик был лучшим другом мальчишка-лорда. Нет, здесь дело в качественном различии познания, в отличии невежества от неведения. Невежество Ваньки заставляет пожалеть его, неведение Седрика изумляет и заставляет задуматься, уловить некий дополнительный смысл, вложенный в затертое «взрослое» слово. Еще интереснее то, что за ошибочным словом просматривается, приоткрывается некая истина. В случае Ваньки это буквальная правда жизни, правда реальной деревни и реального дедушки. В случае Седрика это переоценка привычных ценностей, истинность жизни

сердца, искренность сопереживания. Собственно, контрасту невежества и неведения соответствует контраст правды и истины.

«Всех, кто знал маленького лорда, — сообщает леди Бернет, — особенно трогала рассудительность, с какой он вел иногда беседу; время от времени он высказывал мысли, достойные людей, умудренных опытом, что в сочетании с его круглой ребяческой рожцей производило неотразимое впечатление. Это был красивый цветущий кудрявый мальчик, и потому, когда он усаживался, обхватив коленку пухлыми ручками, и начинал со всей серьезностью делиться своими соображениями, собеседников охватывало неудержимое веселье. Постепенно и мистер Хэвишем начал получать немалое удовольствие от бесед с ним».

Мистеру Хэвишему доставляла удовольствие именно неоднозначность его диалогов с наивно-серьезным ребенком:

— Значит, вы постараетесь, чтобы дедушка вам понравился? — спросил он.

— Да, — отвечал Седрик. — Он мне родственник, а к родственникам надо хорошо относиться; к тому же он был ко мне добр. Когда кто-то для тебя столько делает и хочет, чтобы у тебя было всё, что ты захочешь, нужно, конечно, к нему хорошо относиться, даже если он тебе не родственник <...>

— А как по-вашему, он вас полюбит? — спросил мистер Хэвишем.

— Пожалуй, да, — отвечал Седрик, — ведь я ему тоже родственник <...> конечно, он меня любит, а не то он <...> не послал бы за мною, правда?

— А-а! — заметил адвокат. — Вот как?

— Да, — отвечал Седрик. — Конечно, так! Разве вы со мной не согласны? Своих внуков всегда любят».

Автор не скрывает от читателя циничности мыслей и намерений графа Доринкорта, и Хэвишем знает, насколько Седрик в своих рассуждениях далек от истины, но к концу повествования читателю придется признать, что прав был Седрик, утверждавший, что дедушки всегда любят своих внуков и даже чужих мальчиков, которые чуть не стали их внуками:

«Незадолго до отъезда у него <Бена — Е.Г.> состоялась встреча с мистером Хэвишем, во время которой адвокат сообщил Бену, что граф Доринкорт желал бы что-то сделать для мальчика, который мог оказаться лордом Фаунтлероем, и потому решил, что было бы неплохо вложить деньги в собственное ранчо, а Бена поставить управляющим, определив ему очень хороший оклад, который позволил бы ему обеспечить будущее сына.

В результате Бен уезжал хозяином ранчо <...> А его сын Том вырос прекрасным юношей, преданным и любящим...»

Если принять за исходную позицию противоречие между словом и его наивным, детским толкованием, то в итоге мы приходим к победе наивного толкования, то есть, другими словами, к обнажению истины, притаившейся за правдой.

В кульминации нас ждет не просто момент переоценки ценностей, но перетекание отношений *граф / наследник в дед / внук*:

«— Этот другой мальчик, — спросил он с волнением, — теперь он будет вашим мальчиком... как был я... да?

— Ну нет! — вскричал граф так громко и гневно, что Седрик вздрогнул.

— Нет? — воскликнул он с изумлением. — Правда, нет? А я думал...

И он вскочил со скамеечки.

— Я останусь вашим мальчиком, даже если потом не буду графом? — спросил он. — Вашим мальчиком, как раньше?

Его лицо покраснелось от волнения. Боже, как посмотрел на него старый граф! Как сдвинул он лохматые брови, как странно засветились его глаза, — как все это было странно!

— Мой мальчик! — произнес он, и голос его — возможно ли? — прозвучал как-то странно, совсем не так, как можно было бы ожидать, в нем слышалась хрипотца, он чуть ли не дрожал и не прерывался, хотя говорил граф еще решительнее и тверже, чем обычно. — Пока я жив, ты будешь моим мальчиком! Клянусь небом, иногда мне кажется, что у меня никого другого никогда и не было!»

Такое «перетекание» понятий, очевидное изменение контекста, несоответствие реплик и интонации и становится источником мелодраматизма.

Особенную группу несоответствий составляют слова с семантикой временных категорий:

«— Граф, — продолжал мистер Хэвишем, без особой уверенности нащупывая почву, — часто очень древнего происхождения...

— Как это? — спросил Седрик.

— Из очень старой семьи... Очень старой.

— А-а! — сказал Седрик, засовывая руки поглубже в карманы. — Понимаю! Это как торговка яблоками, что сидит возле парка. Я уверен, что она тоже очень древнего... происхождения. Она такая старая, что непонятно, как она на ногах держится. Ей лет сто, не меньше, но она всегда там, даже когда дождь идет. <...> Жалко ведь тех, кто такой старый и имеет такое древнее... происхождение. Она говорит, у нее от него кости болят, и в дождик ей всегда хуже.

Мистер Хэвишем не знал, что на это ответить, и молча смотрел на серьезное лицо своего юного собеседника».

Это непонимание можно было бы объяснить возрастом Седрика, если бы не сходство его рассуждений с впечатлениями его друга — бакалейщика. Тот не сразу понял, что изображенные на портретах важные дамы и господа — предки графа Доринкорта. Поначалу он решил, что это сестры тети и дети двоюродного брата старого графа:

«Your great-uncle, he MUST have had a family! Did he raise 'em all?» («Ну и семья же у него была! И он их всех вырастил?») [3]

Обоим американцам: и взрослому, и ребенку — оказывается трудно объяснить понятие преемственности и хронологическую глубину традиций. Похоже, у них в мышлении полностью отсутствует категория диахроники.

«— Боюсь, что вы не совсем меня поняли, — сказал он <Хэвишем Седрику>. — Когда я говорил о „древнем происхождении“, я имел в виду не возраст, а то, что имя такого семейства известно в обществе с давних времен, возможно, люди, носившие это имя, были известны много столетий назад, и о них не раз упоминали в истории их страны.

— Как о Джордже Вашингтоне, — подхватил Седрик. — Я о нем с самого рождения слышал, а он еще задолго до того был известен. Мистер Хоббс говорит, его никогда не забудут. Это из-за Декларации независимости и Четвертого июля, вы ведь знаете. Он был очень смелым человеком, вот в чем дело.

— Первый граф Доринкорт, — произнес торжественно мистер Хэвишем, — был возведен в графское достоинство четыреста лет назад.

— Ну и ну! — воскликнул Седрик. — Вот это давно! А Дорогой вы об этом рассказали? Ее это очень заинтересует».

Речь идет о том, что культура Америки еще очень молода. Ее прошлое недалеко ушло от сегодняшнего дня. Бернет четко определяет временные константы Америки: «еще до моего рождения» и «при Джордже Вашингтоне». Диахронизм становится для наших американцев воодушевляющим открытием. Существенной причиной того, почему мистер Хоббс отказывается вернуться на родину, становится, как он сам объясняет, то, что в Америке нет предков, нет графов. В конечном счете оппозиция *американцы / англичане* оказывается не противостоянием *вульгарности аристократизму*, а противоположностью людей-индефинит (простого настоящего) и людей-континиус (живущих во временной протяженности). Это противостояние зафиксировано даже в знаменитых английских анекдотах: «Некий американец спрашивает английского садовника, как вырастить английский газон. „Нет ничего проще, — отвечал садовник, — каждое утро вы подстригаете траву и сбрызгиваете ее водой. Если вы будете делать это регулярно на протяжении трехсот лет, у вас будет слабое подобие английского газона“».

Вернемся, однако, к карнавализации. Пикантность повести придает сюжетообразующий перевертыш. Мы имеем в виду мотив сиротства как устойчивый в детской литературе сюжетообразующий мотив. Начнем с того, что этот мотив ослаблен: мальчику вполне достаточно любящей матери, и он не занят поисками дома или пропавшей родни. Седрик расстается с родным ему миром, не переставая любить его, обещая помнить и когда-нибудь вернуться. «— Мы любили наш домик, правда, Дорогая? — спросил он. — Мы всегда будем любить его, да?» Уже на корабле мать сказала Седрику о предстоящей разлуке и сумела убедить его согласиться с решением взрослых, прибавив, что причину этого он поймет позже, когда вырастет. Мальчик принял это условие как часть нового, незнакомого ему мира, что не прибавило ему любви к этому миру.

«...Время от времени мистер Хэвишем видел, как он глядит задумчиво на море и тяжело, не по-детски вздыхает.

— Не нравится мне это, — сказал он во время одной из своих бесед с адвокатом. — Вы даже представить себе не можете, до чего мне это не нравится. Впрочем, в жизни немало бед, и надо уметь с ними смиряться. Мэри так говорит, и мистер Хоббс тоже».

Седрик не забытый сирота, но благородный рыцарь, безусловно преданный Даме и во имя ее способный даже и на разлуку с Ней и на смирение, раз Она так решила. Не случайно он называет миссис Эррол не мамой, а *Dearest* (букв.: Самая Дорогая), мать же, в свою очередь, делится ощущениями со своей старой служанкой Мэри: «*He is such a little man, I really think he knows* (букв.: Он настоящий маленький мужчина, и мне, право, кажется, что он все знает) [3] — в данном случае «*man*» — мужчина, «*little man*» — человечек, я бы по контексту перевела как «рыцарь». Такие отношения сложились у матери и сына после смерти капитана Эррола, словно Седрику по наследству перешло от отца вместе с именем «Дорогая» обязательство любить и защищать ее. На вечере в замке он говорит очаровательной мисс Вивьен Херберт: «Я думаю, что вы красивее всех, кого я видел, — проговорил Фаунтлерой, прямо и с восхищением глядя на нее, — за исключением Дорогой. Конечно, Дорогую я ни с кем даже сравнить не могу. По-моему, она самая красивая на свете». Введение культа Дамы на фоне расцветшего французского символизма поднимает простенькую беллетристическую повесть на высоты классической литературы.

Здесь следовало бы сказать о двух персонажах, к которым часто возводят сюжет маленького лорда: о Золушке и Прекрасном Принце. Связь эта действительно есть, но какая-то непрямая. Действительно, переезд из бедного района Нью-Йорка в сказочный замок сближает сюжет Бернет с «Золушкой», но только этим сходство и ограничивается. Седрик изначально не занимается черной работой, он всеми любим, и у него нет ни мачехи, ни злых сестер. Есть и сказочный мотив младшего королевича, но он относится к предыстории: у графа было три сына: два раздолбая и умница младший сын. И этот младший сын — отец Седрика.

Но вернемся к мотиву сиротства. Маску сироты пришлось «примерить» гордому графу Доринкорт: «Дорогая хочет, чтобы мне нравилось жить у дедушки — ведь у него все дети умерли, а это очень тяжело. Того, кто всех своих детей потерял, можно только пожалеть; а его последний сын умер совсем неожиданно», — объяснял мальчик адвокату вынужденную перемену в своем образе жизни. Но и мистер Хэвишем временами «размышлял о старом графе Доринкorte, который сидел один в огромной библиотеке своего замка, окруженный роскошью и великолепием, и которого никто не любил, ибо всю свою долгую жизнь он любил только самого себя». На самом деле эта характеристика неверная. Вопреки логике, граф любил своего младшего сына — отца Седрика, потому и так был сердит на него, что тот женился на какой-то американке, что вычеркнул его из своего сердца, но сама способность любить все еще жила в нем, потому он так и привяжется к внуку.

Обратим внимание и на то, что Седрик соглашается на переезд в Англию и разлуку с матерью только из сострадания к осиротевшему дедушке, как сочувствовал он Мэри, ее сестре и торговке яблоками, словно долг его был — приглядывать за всеми несчастными. Образ самого Седрика моделируется как образ Прекрасного Принца. Хорошенькое его личико обрамляют золотистые кудри; он отважен, честен, искренен, всегда готов заступиться за слабого; отлично держится в седле.

Мистер Хэвишем, подумав о богатстве и возможности творить добро или зло, которыми со временем будет обладать маленький лорд Фаунтлерой, заключил, сравнивая наследника с нынешним владельцем: «Это будет совсем другое дело... Совсем другое дело». Приходский священник думал о том же. И в самом деле, маленький лорд и в Англии обзаведется «неподобающими» друзьями. Это и Хиггинс с Крайней фермы, и юный хромой Хартл, и нищие обитатели Подворья.

И в какой-то момент мы начинаем понимать, что Седрик не просто добрый, чуткий, отзывчивый маленький мальчик. Нет, это прирожденный лорд, воспринимающий окружающих как своих вассалов, людей, за счастье которых он в ответе и о которых ему инстинктивно хочется позаботиться. Как выразилась Бернет, «это была простая, любящая душа. Иметь такую душу все равно что родиться королем». И гордый дед оказывается зачислен в число подопечных Седрика с того момента, как внук помог ему дойти до столовой.

Можно предположить, что в мальчике воскресло то рыцарское начало, за которое его предку в XVI веке дарован был графский титул. Он инстинктивно понимал, что главная задача сюзерена не властвовать, а помогать и защищать. Немалую роль в этом сыграла Америка и ее отрицание знати как эксплуататоров, тиранов и деспотов, так что речь идет о возвращении аристократии ее легендарного средневекового благородства. Эта идея роднит «Маленького лорда Фаунтлероя» с «Тарзаном» Берроуза. Хотя Тарзан и был воспитан обезьянами, но он был истинным лордом, и именно это ставило его выше людей и животных и обязывало любить и защищать их.

Список использованной литературы

1. *Бернетт Френсис*. Маленький лорд Фаунтлерой: [роман: для детей] / Ф. Бернет; [пер. с англ. З.П. Ивановой; худож. И.В. Зарубина]. СПб.: Ариадна, 1992. 268, [1] с.: ил.
2. *Бернетт Фрэнсис Элиза*. Маленький лорд Фаунтлерой / Ф. Бернет // Православная энциклопедия «Азбука веры» [электронный ресурс]. URL: <https://lib.pravmir.ru/library/book/4242> (дата обращения 12.7.2021)
3. *Burnett Frances Hodgson*. Little Lord Fauntleroy / Frances Hodgson Burnett // Project Gutenberg-tm eBooks. URL: <https://www.gutenberg.org/files/479/479-h/479-h.htm>_(дата обращения 12.7.2021)

Об авторе

Грекова Елена Викторовна — кандидат филологических наук, независимый исследователь, Москва; e-mail: grekov-@mail.ru